

Часы с боем

С детства я знал, что принадлежу к старому одесскому роду, что среди моих предков по отцовской (да и по материнской) линии были весьма состоятельные люди...

Но тогда, в 40-50-е годы 20 века, я больше гордился не прадедом — известным ювелиром, а тем, что отец — Давид Израилевич Кохрихт — в первую мировую заслужил Георгиевские награды — два креста и две медали, в двадцатые годы был лихим сыскарем, а затем — одним из руководителей одесской милиции. Он знал Мишку Япончика, служил с Евгением Петровым, громил банды, принимал участие в аресте Майорчика, застрелившего Котовского...

Первый "Георгий" был наградой за спасение полкового командира: во время рукопашной отец заслонил собой офицера, отбил выпад дюжего мадьяра и в ответ пронзил его трехгранным острием своей трехлинейки. Помню, как мы (я — первоклассник) разыгрывали с ним эту боевую сцену, и мой батя лихо демонстрировал приемы штыкового боя... А ведь уже давно был мирным человеком: в самом начале 30-х друг, служивший в ГПУ, посоветовал ему (внуку богача, классово чуждому элементу), уволиться из милиции и затеряться где-нибудь на скромной стезе совслужащего. И хотя в отце не было ничего от Остапа Бендера (прототипа которого — Шора — он знал), пришлось переквалифицироваться в управдомы...

После войны мы жили в коммуналке на Садовой, с удобствами во дворе и печным отоплением (сюда в 1964-м пришла моя жена Таня), но родился я в комфортабельной трехкомнатной квартире в доме № 13 по Софиевской угол Торговой. Отсюда 23 июня 1941 года призвали в Красную Армию отца и старшего брата (сводного — его мать умерла) Абрама. Он только что закончил школу и был прирожденным гуманитарием, писал стихи... После передовой Аба стал курсантом Краснодарского артучилища, провоевал всю войну, закончив ее в Берлине двадцатидвухлетним капитаном, командиром дивизиона, с ранениями, орденами и медалями.

Но это было позже, а летом 1941-го они пришли на призывной участок, где отца комиссовали вчистую (сказалась контузия на первой мировой), а с братом мы расстались до мая 1945-го.

Тогда в Одессе жило несколько семей Кохрихтов. Уцелела лишь наша, да и то — не вся. Родственники по материнской линии — Ставницеры —

тоже понесли потери, но история этой моей половины (не менее интересная и драматическая) заслуживает отдельного рассказа. Замечу только, что и отец моей матери — Софьи Ефимовны — до революции занимался на Вольни (в Шепетовке) торговлей лесом и стройматериалами. Так что я пацаном (бегая по нужде зимой по ночам в дворовой нужник) был наследником довольно-таки больших состояний.

Любопытно, что кроме семейных преданий у нас не было никаких материальных свидетельств былого достатка и высокого социального положения предков. Все документы на владение магазинами, жильем, складскими помещениями, банковские бумаги были уничтожены родителями, боявшимися обысков, еще в 30-е годы. Если и были какие-никакие фамильные ценности, то их давно израсходовали на самое необходимое. Молодым читателям следует знать, что так же обстояло дело и в других одесских семьях, переживших октябрьский переворот 1917 года, гражданскую войну, красный террор, уплотнения жилплощади, репрессии и т. д. Достаточно сказать, что отец по требованию мамы избавился даже от своих солдатских "Георгиев"... Вполне вероятно, что сегодня они продаются в одном из антикварных магазинов или украшают чью-нибудь коллекцию.

Впрочем, Давид Кохрихт — в отличие от своих предков — не отличался почтением к материальным ценностям и всегда чувствовал себя скорее чужим, чем своим в богатой и снобистской семье деда, Исаака Яковлевича Кохрихта. И на то были свои серьезные причины. Но сначала — о роде Кохрихтов, обосновавшемся в молодом городе в начале 19 века и насчитывающем как минимум пять поколений коренных одесситов. Благодаря тщаниям моих друзей, краеведов Александра Розенбойма и Олега Губаря, с недавнего времени (!) знаю, что мои предки к 50-м годам занимали видное место среди одесских ювелиров, владельцев часовых магазинов, а также занимались не менее почтенным бизнесом — им принадлежали кухмистерские в самых престижных "точках" — в доме Папудова, на Ланжероновском спуске, на Ямской...

Таким образом, есть основания полагать, что Евгений Онегин (если судить по Одесской главе романа) мог пообедать не только у Отона, но и у Кохрихта, и у него же приобрести звонкие часы марки Брегет...

Да и сам Александр Сергеевич, не исключено, что отведал у моего предка фаршированной рыбы или купил приглянувшееся колечко для итальянской певицы. Известно, что Кохрихты абонировали ложу в оперных театрах — старом (сгоревшем) и новом — и могли и встретиться со ссыльным поэтом на премьере...

Семья была эмансипированная, жила с размахом, устаивала приемы. Хотя прадед и был старостой синагоги, его сыновья получили хорошее светское образование и вполне европейское воспитание. Израилю (моему деду) и Исааку предстояло унаследовать большое и прибыльное фамильное дело. Несколько лет назад давний товарищ, архитектор Евгений Оленин, подарил мне копию рекламного объявления, относящегося к 70-м годам 19 века:

**"ДЕПО ЧАСОВ
БРИЛЛИАНТОВЫХ, ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ
ВЕЩЕЙ
И. Я. КОХРИХТА
В ОДЕССЕ**

**Дерибасовская ул., д. Вагнера,
рядом с банковской конторой И. Грубера
БОЛЬШОЙ ВЫБОР РАЗНОГО РОДА ЧАСОВ
ЗОЛОТЫХ, СЕРЕБРЯН., И БРИЛЛИАНТОВЫХ ИЗДЕЛИЙ"**

Далее — ассортимент, поражающий полнотой и разнообразием драгоценных товаров, поступавших из Москвы, Петербурга, с Кавказа и из дальнего зарубежья, а также — собственного изготовления.

Меня поразило это самое "ДЕПО" (мое поколение знало лишь трамвайно-троллейбусное), свидетельствующее об объемах торговли и ее оборотах. Но ниже основного текста помещалось и дополнение:

**"ОПТОВЫЙ СКЛАД всех товаров в Одессе,
угол Ришельевской и Почтовой, дом Томазини, №№ 2 и 3"**

Мой приятель справедливо заметил, что в ТЕ годы люди были миллионерами, имея склад гвоздей, а здесь — бриллианты...

У семьи было несколько магазинов, главный располагался в доме Вагнера — культовом историческом огромном здании, выходящем сразу на три центральные улицы. Здесь некогда находился Ришельевский лицей (второй в России), здесь жили многие выдающиеся люди...

Большую квартиру на втором этаже дворового флигеля занимали Кохрихты. Отсюда в собственном экипаже ранним летним утром 1893 года выехал на прогулку старший сын главы клана И.Я. Кохрихта — Израиль. Коляска катила по центру города, а затем — по направлению к Лиманам.

На Пересыпи юноша заметил девушку с золотыми распущенными волосами до пят. Приподняв подол юбки из сурового полотна, она месила глину изящными ножками... Как выяснилось, Катя, моя будущая бабушка (увы, не знаю ее полного еврейского имени), готовила сырье для производства кирпичей. Так гласит семейное предание. Далее понадобилось бы перо Бабеля и, уверен, он рассказал бы эту историю значительно лучше, чем я, если бы знал ее. Тем не менее, она достойна многосерийного телефильма.

Вот ее краткое содержание. Молодые люди сразу же полюбили друг друга. Но родители Израиля и слушать не хотели о браке наследника с красивой добродетельной девушкой из бедной семьи. А когда сын все же женился на Кате, прокляли его и отлучили от дома. Молодой Кохрихт показал характер и не сломался, а пошел работать конторщиком в порт, где простудился и вскоре умер, оставив юную вдову без средств к существованию и четырьмя сыновьями. Старшим был мой отец Давид, родившийся в 1894-м. Ранние годы его жизни прошли на Пересыпи, в злыднях, и больше напоминали детство лихого Гаврика, чем внука миллионера. Но тут к его бабке стал во сне являться умерший сын и требовать: "Возьмите к себе Давида и дайте ему достойное воспитание!". Дед сначала и слышать об этом не хотел, но бабка криком кричала — и он сдался...

Где-то лет с восьми отец переменял участь и, подобно Дэвиду Копперфилду, обрел незаслуженно отнятое. Ему выделили отдельную комнату в доме Вагнера, и чтобы подогнать в учебе, наняли учителей по разным предметам и этикету. Нужно ли говорить, как это было невыносимо и не-

ненавистно пацану с Пересыпи! Несколько раз он сбегал к матери и братьям, но его возвращали на Дерибасовскую — под надзор специального воспитателя... С годами он догнал сверстников по школе и до конца жизни был удивительно грамотным и математически одаренным человеком.

Отец рос дерзким и отличался недюжинной силой. Это и помогло ему в 1914-м обмануть чиновников на призывном участке, прибавить себе год (в русскую армию тогда брали с 21-го) и пойти на первую мировую вольноопределяющимся. На Румынский фронт. А ведь должен был ехать совсем в другую сторону! В Бельгию, в коммерческую академию, чтобы, пополнив знания, трудиться в семейном деле, дожидаясь своей доли в немалом дедовском наследстве...

А дальше вы почти все уже знаете. Добавлю следующее. В 1917-м младшего унтер-офицера Давида Кохрихта тяжело контузило разрывом снаряда, и он почти потерял зрение. Как георгиевского кавалера его направили в московский госпиталь на лечение. Столицы отец так тогда (да и потом) не увидел (глаза закрывала повязка) и лишь вспоминал в старости звон церковных колоколов на Воробьевых горах...

В госпитале орудовали большевистские агитаторы, идеи которых сразу же нашли отклик в душе человека, познавшего с детства звериный оскал богатеев, думающих только о сверхприбылях. И никакие подачки с их стороны его не обманули! Острое чувство социального протеста и тягу к справедливому распределению благ, добытых трудовым народом, мой отец пронес через всю свою долгую жизнь. И всю эту жизнь был верен этим идеалам, как правило, во вред своей семье.

Вот лишь один пример — но какой! Вернувшись в 1944-м из эвакуации, мы узнали, что наша квартира на Софиевской занята мародером в высоких чинах, принадлежавшим к известной в городе семье пламенных революционеров, именем одного из которых даже назвали одну из главных площадей Одессы. В 1945-м приехал на побывку брат-артиллерист, которого не пустили на порог квартиры, из которой он ушел на фронт. Оба выпил стакан водки, перевернул затвор "ТТ", но отец схватил его за руку и в последний момент вырвал из нее пистолет...

Они вышли из подворотни дома на Софиевской и пошли вверх по Торговой — на Садовую. В бодеге (забегаловке) у входа на цирковую галерку добавили еще бессарабского вина, и брат заснул на тюфячке, разостланном на полу нашей единственной комнаты в коммуналке № 12 по Садовой, 6. А ведь отец был тогда заместителем начальника горжилуправления и фактически ведал распределением квартир в Одессе.

Вот и выбрал для своей жены и сыновей жилплощадь и прожил в ней до конца своих дней...

Сюда, на Садовую, году в 1946-м приехала из эвакуации семья маминного брата Михаила Ставницера — шестеро детей (моих двоюродных братьев и сестер), их родители, и какое-то время мы жили вместе...

А отцовых родственников — Кохрихтов — практически не осталось в живых после войны. Мои дядя и их семья погибли — кто на фронте, кто в дни обороны Одессы, кто в гетто. Сколькo не искал их следов — так и не нашел...

Известна лишь судьба бабушки Кати. Молодая красавица-вдова больше замуж не выходила, подняла троих сыновей и жила у одного из них, часто бывала в доме у старшего — Давида. Нячила меня, но я ее не помню, знаю только, что рыжиной пошел в бабушку Катю.

Обладала сильным характером, и переубедить ее было невозможно. Ненавидела большевиков (хотя сама была из бедняков и мужниного наследства так и не увидела!) и не верила советской пропаганде. В том числе — и сообщениям о зверствах гитлеровцев, об их ненависти к евреям: в молодости у нее было много друзей-немцев...

Наша семья эвакуировалась из Одессы позже многих — надеялись убедить бабушку Катю. Не смогли. И ушли из города пешком по Николаевской дороге. Меня несли на руках мама и бабушка Песя Ставницер, а тяжело больного отца приютили на каруце (молдавской повозке) добрые люди...

И вновь о доме на Софиевской. В 44-м отец узнал от бывших соседей, что они несколько месяцев прятали бабушку Катю во время облав на евреев. Лютой зимой 1941 года ее выдал дворник. Румынские солдаты, коченея на морозе, хотели отпустить старушку, хорошо говорившую по-немецки, но местные полицейские облили ее водой и она, превратившись в ледяной столб, стояла до ночи на углу Торговой и Софиевской...

По удивительному и страшному совпадению в это же время от рук фашистов погибла и ее золовка (жена мужниного брата). Блестящая светская красавица Софья Сиротина вышла замуж за прагматика Якова Кохрихта в конце 19-го века, в то же время, что и работница кирпичной мастерской Катя — за романтика Израиля. Обе четы обрели старших сыновей в один год — 1894-й. Израиль родил Давида, Яков — Исаака.

После отлучения и смерти старшего сына глава клана сделал основным наследником младшего, передав ему, в частности, магазин в "Пассаже" (вход с Дерибасовской). Он пользовался большим спросом у одесситов, сотрудничал с Фаберже, представлял фирму на Всероссийской промыш-

ленной выставке 1810 года (в Александровском парке), о чем рассказывается в книгах А. Розенбойма и О. Губаря. Они пишут и о том, что к началу первой мировой Яков Кохрихт создал и выпускал (одним из первых в России) специальные водонепроницаемые часы для господ офицеров.

Любопытно, подарил ли он такие часы своему племяннику — унтер-офицеру Давиду?.. Знаю, что вернувшись в Одессу в 1918 году, мой папаша (в шинели с красным бантом и в черных очках на больных глазах) первым делом запустил булыжником в хрустальную витрину магазина своей тетки Софьи — к тому времени после смерти мужа она владела магазином...

Это был окончательный разрыв с семьей и классово чуждыми родственниками.

В Окаянные дни богатые и знаменитые Кохрихты покинули Одессу. Софья уехала с сыном Израилем сначала в Германию, а затем — во Францию. У нее там были и магазины, и ателье, и салоны красоты, но постепенно она многого лишилась, хотя семья Кохрихтов жила в Париже в достатке. В 1926 году у Израиля родилась дочка Тамара, а у моего отца в Одессе в 1923-м — сын Абрам. Затем, перед войной, и я — поздний сын от второго брака.

Ни мои родители, ни тем более я ничего не знали об этой ветви нашего рода. Переписка, да и то редкая, оборвалась еще в 30-е годы. И лишь в 2005 году (когда уже не было в живых папы, мамы, брата) я узнал, что у меня в Париже есть двоюродная сестра Тамара. Она тоже ничего не ведала об одесских родственниках, но хорошо знала историю рода Кохрихтов и даже имела адреса домов, принадлежавших семье, и магазина в "Пассаже". В 2004 году 78 лет от роду Тамара на борту круизного лайнера посетила город своих предков...

Мы могли тогда встретиться, но ничего не знали друг о друге, а вскоре Тамара набрела в интернете на сайт Всемирного клуба одесситов и узнала, что некий Феликс Кохрихт (фамилия очень редкая) является редактором альманаха "Дерибасовская — Ришельевская". Обменявшись электронными письмами, установили кровное родство!

От Тамары я узнал, что ее бабушку Софью Кохрихт гестаповцы схватили в Париже зимой 1941 года и отправили в Освенцим, откуда она не вернулась. Дед и семья отца чудом спаслись... После войны Тамара уехала в Палестину и стала одной из первых кибуцниц, а спустя годы вернулась в Париж. По ее просьбе я начал поиски документов, касающихся ее бабушки и дедушки, но внезапно переписка наша оборвалась... Не суждено оказалось увидеться отпрыскам двух ветвей старого одесского рода...

А теперь — о заголовке этих заметок. Напомню, что практически всю жизнь я не имел никаких материальных, вещественных доказательств деятельности нашего ювелирного и часового рода. Лишь года два назад сотрудница жены подарила нам вилку с клеймом фирмы, да я случайно купил у антиквара маленькую катонную коробочку от кольца со своей фамилией на крышечке.

И вот в начале нынешнего года супруги Аня Голубовская и Игорь Коваленко вывели меня на человека, продававшего старинные каминные часы с боем, на циферблате которых значится по-немецки: "J. Kochricht. Odessa".

Теперь они у меня — неподъемные, с корпусом из черного камня, украшенным бронзовой скульптурной группой: дети, тянущие из воды тонкую сеть...

Подробная атрибуция еще предстит, но уже сегодня ясно следующее. Часы эти изготовили в Одессе по индивидуальному заказу мастера фирмы Кохрихт. Механизм — французский, с медалью, полученной в середине 19 века. Искусный мастер Алексей Ревич дал часам вторую жизнь, и они отбивают ей ход удивительно мелодично и тактично...

Удивительная деталь! Я забирал часы из Аниной галереи "Либерти", что на Ланжероновской. Напротив — издавна и всегда заколоченная калитка во двор дома Вагнера. В тот день она чудесным образом была приоткрыта, и был виден двор, откуда много лет назад выехала коляска, на которой молодой наследник богатого и знаменитого рода отправился навстречу своей судьбе...

